

К. Д. Бугров

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЦЕНТРОВ МЕДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА: СИМВОЛИКА И ГЕРАЛЬДИКА¹

Настоящая статья посвящена проблеме отражения индустриальной идентичности современных центров медной промышленности Уральского региона (Красноуральск, Кировград, Верхняя Пышма, Ревда, Кыштым, Карабаш, Учалы, Сибай, Гай, Медногорск) в локальной символике этих городов — гербах и корпоративных эмблемах. Проанализированы важнейшие этапы складывания символики медных центров (дореволюционная, советская, постсоветская геральдика), выявлены различные стратегии позиционирования индустриальной идентичности городов посредством эмблем.

Ключевые слова: геральдика; медная промышленность; индустриальная идентичность; Урал.

This article is devoted to the problem of reflecting the industrial identity of the modern centers of the copper industry in the Ural region (Krasnouralsk, Kirovgrad, Verkhnyaya Pyshma, Revda, Kyshtym, Karabash, Uchaly, Sibay, Gai, Mednogorsk) in the local symbols of these cities — coats of arms and corporate emblems. The most important stages of the formation of the symbols of copper centers (pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet heraldry) are analyzed, and various strategies for positioning the industrial identity of cities through emblems are identified.

Keywords: heraldry; copper industry; industrial identity; Ural.

Металлургия меди является одной из крупнейших и старейших отраслей металлургии вообще, превосходя — в смысле своего исторического влияния на социальную и экономическую географию — любую другую отрасль цветной металлургии (за вычетом, быть может, золота и серебра). Нам известен ряд государств мира, для которых медная промышленность является фундаментом национального благосостояния, и в этих государствах целые провинции и большие города основывают свою идентичность на медной индустрии: достаточно назвать Чили и Конго.² Относится к числу

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»

² В 1970-х гг. область Верхняя Катанга, где сконцентрирована конголезская медная индустрия, носила имя Шаба, в перевод с суахили — «Медь».

наиболее важных медных провинций мира и Уральский регион. И, хотя определяющим элементом в уральской идентичности является, пожалуй, черная металлургия, медь тоже занимает здесь почетное место.

На протяжении столетий карта медеплавильных центров Урала менялась; сегодняшняя география уральской меди практически не совпадает с той, которая существовала в XVIII–XIX вв. Крупные производства, связанные с производством меди, работают в 10 уральских городах; все они принадлежат либо «Уральской горно-металлургической компании» (УГМК), либо «Русской медной компании» (РМК). Карта медеплавильных городов Урала окончательно сложилась к середине XX в. Эти города можно разделить на несколько групп в зависимости от времени возникновения. Первая группа — это медеплавильные центры, возникшие на рубеже XIX–XX вв., до революции 1917 г. (Кыштым, Карабаш, Кировград). Вторая группа — медеплавильные центры, созданные в межвоенные годы (Красноуральск, Верхняя Пышма, Ревда). Третья группа — медеплавильные центры, созданные в послевоенный период: добывающие (Учалы, Сибай, Гай) и перерабатывающие (Медногорск). Помимо этих городов, географию медной индустрии формируют также рудники, шахты и горно-обогатительные комбинаты, не привязанные к крупным городам.

Предмет анализа настоящей работы — гербы и эмблемы, связанные с отмеченными центрами уральской медной индустрии.¹ Г. А. Туник предлагает следующие этапы развития «территориальных символов»: гербы, созданные до 1917 г.; советские и постсоветские гербы и, наконец, гербы, созданные после принятия регламентирующего федерального закона 2003 г. [12, с. 35]. Данную классификацию можно считать обоснованной, однако

¹ В статье описания ныне уже не действующих советских и постсоветских городских гербов даны на основе материалов веб-сайта heraldicum.ru — наиболее полного из известных собрания городских эмблем России и СССР. Эти данные, в свою очередь, ссылаются на материалы, собранные геральдистом В. Марковым, и на фундаментальный обобщающий каталог В. И. Меликаева и В. В. Сержана [7]. Описания ныне действующих гербов даются в соответствии с информацией, размещенной на официальных веб-сайтах соответствующих органов власти; такие описания по некоторым из областей Урала систематизированы в изданиях за авторством профессиональных геральдистов [2; 8]. Корпоративные эмблемы рассматриваются по материалам официальных веб-сайтов предприятий.

применительно к изучаемому нами материалу она требует определенной доработки.

Ни один из сегодняшних центров медной индустрии Урала не имел до 1917 г. городского статуса, а, следовательно, — и геральдической традиции. Однако для того, чтобы выяснить особенности развития индустриальной символики уральских гербов, следует обратиться, в первую очередь, к дореволюционной геральдике и эмблематике региона. По ряду причин промышленный профиль уральского хозяйства практически не находил отражения в системе городских гербов. Среди 43 городов Урала, получивших гербы до 1917 г. [13, с. 146–147], промышленная символика присутствовала только у трех: Екатеринбург («серебряная плавильная печь и рудокопная шахта»), Алапаевск («железный молот, которым выделывается железо») и Соликамск («соляной колодезь с опущенным в него ведром для вынужения соли») [1, с. 1, 40, 140]. В 1735 г. В. Н. Татищев разработал целую систему клейм для казенных заводов Урала [11, с. 187]: Екатеринбургский завод получил колесо (связанное, видимо, со святой Екатериной), Каменский завод — алхимическую эмблему железа (копье Марса), Полевской завод — эмблему меди (зеркало Венеры), Юговской завод — лук со стрелой, Северский завод — восьмиконечную Полярную звезду. Как правило, заводы использовали для клеймения своей продукции аббревиатуры своих названий — например, Кушвинский завод использовал буквы «К. З.», а Кыштымский завод — «Кыш. З.»; одна из таких аббревиатур имеет хождение и сегодня — «В.И.З.», обозначающая Верх-Исетский завод [4]. Конечно, имелись и исключения — Лысьвенский завод клеймил продукцию шуваловским единорогом, Северский завод — турчаниновской цаплей, заменившей татищевскую Полярную звезду, Воскресенский завод — соколом, а целый ряд заводов использовал знаменитого соболя. Однако подобные эмблемы составляли крохотное меньшинство. Дореволюционная геральдика была в своей основе лишена сложного подтекста и символики, и — хотя прямолинейность обычно считают качеством эмблем, созданных при социализме, — были вполне прямолинейными. Например, на гербе Глазова был изображен «человеческий открытый глаз, означающий имя сего города», на гербе Кургана —

«два серебряных кургана», а на гербе Верхнеуральска — горностаи «в знак изобилия оных» в городских окрестностях [13, с. 147]. Как замечает Е. В. Пчелов, система городских гербов Российской империи, как она сложилась к концу XVIII в., в основном представляла «занятия жителей», «природные обстоятельства» либо «гласные гербы»: «В целом для городской геральдики екатерининского времени характерны предельная ясность и очевидность» [10, с. 11].

В 1920-е гг. вчерашние заводские поселки начинают массово становиться городами. Несмотря на то, что о гербах в годы революционной ломки старых культурных основ общества речи не шло, вопрос о визуальной стороне символической политики, конечно, вставал в повестку дня. Что может символизировать индустриальный город? Индустрию вообще? Ответ вовсе не был очевидным. Характерный символизм татищевских эмблем уже был забыт; в качестве клейм уральские заводы, как правило, использовали аббревиатуры; своей геральдической традиции у новых городов не было, а та традиция, что имела, все равно отражала главным образом зоологическое разнообразие региона. В этой ситуации роль символов начали играть памятники новой, революционной, эпохи, начавшие появляться в уральских городах-заводах в 1920-х гг. Недаром на самых ранних эскизах гербов Ревды и Карабаша появляется одна и та же эмблема — силуэт памятника «Героям, павшим за революцию», изображающий рабочего с ружьем в одной руке и молотом — в другой. В 1920-х гг. по единому эскизу было отлито не менее 10-ти его чугунных экземпляров, установленных в старых заводских городах Урала — Златоусте, Карабаше, Каслях, Верхнем и Нижнем Уфалейх, Полевском, Сысерти, Ревде, Лысьве, в селе Армизонское (Тюменская область), а еще один — из цемента — был помещен в Карпинске. Эти памятники и становились зримыми выражениями советской идентичности старых заводских городов.

Годы индустриализации СССР изменили отношение к символическому аспекту индустриального: причиной тому было не только идеолого-пропагандистское доминирование соответствующей тематики, но и огромная, зачастую определяющая культурно-социальная роль, которую в условиях плановой экономики

играли конкретные промышленные предприятия.¹ На рубеже 1950-х — 1960-х гг. началась эпоха советского герботворчества (стоит, однако, заметить, что интерес к городской геральдике в СССР наблюдается в еще более ранний период, 1946–1947 гг.) [14, с. 104–107], и к концу советской эпохи своими гербами обзавелись почти все центры уральской медной индустрии. Герб Медногорска (1966) создали Ю. Т. Артамонов и Р. З. Алиев, поместившие на него узнаваемый профиль двух горных вершин, а также эмблемы градообразующих предприятий — «Уралэлектромотора» и Медногорского медно-серного комбината. Эмблему Кыштыма (1967) разработал А. И. Чичков, изобразивший две горные вершины, озерную гладь и оленя; вся эта комбинация была еще и вписана в силуэт анода, отсылавшего к медной специализации города, и шестерни, символизировавшей кыштымское машиностроение. Герб Сибая (1980), созданный А. Набиевым, изображал золотой ковш на фоне горных вершин, окруженный колосьями и элементом башкирского национального орнамента. Герб Красноуральска (1981) был разработан художником В. В. Зеленцовым, и в этом гербе доминировали промышленные символы — ковш красного «медного» цвета, обозначающий медеплавильную индустрию, и реторта, символизирующая химическую промышленность. Герб Верхней Пышмы (1983) был создан коллективом под руководством архитектора Л. П. Бандровской и целиком был основан на промышленной символике: анод и медная пластина — «Уралэлектромедь», колба — Уральский завод химических реактивов, изоляторы — Среднеуральская ГРЭС. Наконец, герб Ревды (1987) являл собой промышленную комбинацию с золотым ковшом, зубчатым колесом (половина которого представляла собой пилу, а другая половина — шестеренку), колосом и изображением соболя — безусловно, демидовского заводского клейма, «старого соболя». Нетрудно заметить, что двумя ключевыми темами,

¹ Е. А. Манжурин, характеризуя городские гербы советского времени, относит «серп и молот, шестеренку и колос, колбу и атомную орбиту» к проявлениям доминирующего символического языка, универсальным «советским символам», противоположенным «местным» и «национальным» [6, с. 119]. Важно, однако, заметить, что для индустриальных городов, не имевших не то что своих дореволюционных гербов, но и вообще символической традиции, шестеренки и колбы могут считаться вполне «местной» символикой.

присутствующими почти во всех этих эмблемах, являются стремление авторов отразить природно-ландшафтную и индустриальную специфику своего города. На всех гербах присутствуют индустриальные символы: ковш металлургов, колба либо реторта химиков. Особенно интересен тот факт, что в двух случаях (Верхняя Пышма, Кыштым) металлургия меди была представлена не ковшем, общим для советских металлургических эмблем, а анодом. Это было технологически точным изображением особенностей промышленного производства в этих городах, поскольку предприятия Верхней Пышмы и Кыштыма специализируются не на плавке, а на электролизе меди. На многих гербах присутствовали также символические изображения окружающего ландшафта, причем общим правилом можно считать следующее: встретить ландшафтно-природный символ на гербах городов Южного Урала можно было чаще, чем на гербах городов Среднего Урала. Высоты уральских гор, большие озера, река Урал — эти природные объекты присутствуют на гербах Медногорска, Кыштыма, Сибая. Если характеризовать данную политику в категориях современного португальского исследователя символического аспекта локальной идентичности К. да Сильвы,¹ то очевидным будет доминирование тематик природного окружения и локальной традиции хозяйственной деятельности.

К этой картине следует добавить и фирменные эмблемы, созданные медными предприятиями Урала. С 1967 г. СУМЗ использовал логотип, созданный В. Беляевым, — своеобразную комбинацию из двух треугольников и ромба, в которой «зашифрованы» буквы аббревиатуры названия завода. В Верхней Пышме «Урал-электромедь» выпустила несколько серий значков с начертанной особым стилем аббревиатурой УЭМ (один из таких значков был выполнен в форме анода); в 1990-е гг. на смену этим символам пришел логотип с начертанием «Элем», используемый и сегодня. Медногорский медно-серный комбинат имеет логотип, основанный на картографическом обозначении серы.

¹ К. да Сильва выделяет 4 базовых содержательных элемента городских гербов Португалии: природное окружение, локальная история, культурная специфика (включая религиозную), локальные традиции хозяйственной деятельности [15, с. 952].

Теперь кратко охарактеризуем трансформации геральдической символики в постсоветской России. Герб города Учалы (1993) изображает ящерицу¹ в короне на фоне зеленых гор, в верхней части герба помещался цветок курая. Позднее герб был изменен (2013): теперь ящерица стала золотой и утратила корону, место которой занял цветок курая — символ Башкирии, размещенный прямо над повернутой вправо головой ящерицы. Новый герб Ревды (1994) авторства художника и журналиста Ю. Шарова включал следующие элементы: ящерица в короне, скрещенные молоты, серебряная лента (река Ревда) и всё тот же демидовский «старый соболь». Позднее для Ревды был разработан новый герб (2002), автором которого стал А. К. Грефенштейн: здесь медведь и соболь (опять соболь, но теперь уже поднявшийся на задние лапы и утративший сходство с демидовским клеймом) поддерживают алхимический символ железа (Марс). Новый герб Сибая (1995) изображал бегущую куницу, национальный орнамент и соцветие курая — уже упоминавшийся элемент национального герба Башкирии. В 2004 г. герб был утвержден повторно, причем куница сменила направление своего бега. Вместо красно-золотых цветов советского герба теперь была использована башкирская бело-сине-зеленая гамма. Проект нового герба Верхней Пышмы (1998) был создан видным пышминским краеведом В. Г. Непомнящим вместе с художницей, специалистом в сфере промышленного дизайна М. И. Бызовой; герб изображал белого грифона в лазоревом поле. На этой базе А. К. Грефенштейном был разработан официальный герб (2001), изображавший всё того же грифона, держащего в лапе алхимический символ меди (зеркало Венеры).² Герб Гая (1999) изображает скрещенные молот и обушок, а также серебряную медеплавильную печь. Из общего ряда постсоветских

¹ История увенчанной короной ящерицы как символа Урала требует отдельного исследования. Учалы, принявшие герб одними из первых среди уральских городов постсоветской поры, удачно «застолбили» этот популярный символ, содержательно связанный, конечно, с главной «медной» фигурой уральского культурного наследия — бажовской Хозяйкой Медной горы.

² В 2002 г. М. И. Бызова написала картину «Мой город», изображающую важнейшие архитектурные и культурные доминанты Верхней Пышмы: церковь Успения Богородицы, мечеть имени имама Исмаиля аль-Бухари, дворец культуры «Металлург», пруд, рудник и завод «Уралэлектромедь». Однако центральное место на холсте занял герб (в варианте А. К. Грефенштейна), утвержденный за год до того.

эмблем 1990-х гг. выбивается герб Карабаша (1997), разработанный А. Акуловым, Н. Дудиным, Ю. Окуловым и Э. Шамаковым. Здесь изображены узнаваемые силуэты шахты и медеплавильного завода (современного завода, а не стилизованной печи XVIII в.) на фоне золотых гор и красного неба, на берегу синего озера. Однако спустя 6 лет был утвержден новый герб Карабаша (2003), полностью заменивший индустриальную символику геральдическими символами: серебряный сокол («символ высоты духа, храбрости, веры, победы, величия») с черной головой, отсылающей к значению тюркского «кара баш», «черная голова»). Герб Кыштыма (2001) представляет собой образец «краеведческого» подхода. Он изображает «белый дом» над озером и на фоне двух зеленых гор, Сугомака и Егозы. Комбинация зеленых гор и синей озерной гладки отсылает к реальному ландшафту той части Урала, в которой находится Кыштым (примерно от Кыштыма начинается уральская «страна озер», к которой с запада подходят отроги хребта, который здесь начинает набирать высоту), а «белый дом» и вовсе является точным изображением важнейшего архитектурного памятника города — усадьбы Демидовых, выстроенной в стиле классицизма в 1-й половине XIX в. Автором идеи герба выступила О. И. Сони́на — инженер-конструктор Кыштымского радиозавода, краевед, ныне преподающая в Центре детского (юношеского) технического творчества. Герб Кировграда (2004) изображает «восстающего волка» над зелеными горами (символизирующие гору Ежовую); интересно, что червлёные зубы волка «указывают на производство в городе твердосплавного инструмента». На гербе Красноуральска (2006) изображен «золотой тигель с червлёным расплавом в нем, из которого выходит золотая фигура в виде лилии, вместо среднего лепестка имеющая пламя», а также «острие, сложенное из 15 золотых беличьих шкур». С боков композицию обрамляют золотые «леопардовые львы». Тигель на гербе символизирует металлургию, львы — «добычу и обработку золота и меди, а также производство серы, сопутствующее выплавке последней», а беличьи шкурки являются символом рудных богатств. Герб Медногорска (2008) был создан профессиональным геральдистом К. Ф. Моченовым. Здесь были сохранены две горные вершины (правда,

теперь они сравнивались по своей высоте), а также синяя лента реки Урал. Однако производственная символика была трактована принципиально иным образом: вместо эмблем заводов на гербе появились золотой горный молоток и красный камень.

Как показывает этот краткий обзор новых гербов, появившихся у медных городов Урала в постсоветское тридцатилетие, можно выделить две основные стратегии, связанные с тем, какие коллективные акторы занимались их созданием. Одна стратегия была связана с деятельностью краеведческого (в широком смысле) сообщества и исходила из того, что герб должен воплощать ключевые местные образы в виде узнаваемых символов: памятников архитектуры, природного ландшафта либо промышленной специализации. Эта стратегия была одновременно близкой к советской индустриальной геральдике и разительно от нее отличалась.

Вторая стратегия была связана с работой профессиональных геральдистов и одновременно — с систематизацией и кодификацией разработки гербов в России (в 1999 г. был создан Геральдический совет при Президенте РФ). Наибольшее распространение эта стратегия получила в Свердловской области, где с 1997 г. работала Уральская геральдическая комиссия, которую возглавлял В. К. Кондюрин; геральдистами выступали С. И. Ворошилин, Б. С. Слукин, А. К. Гrefенштейн, историки Д. А. Редин и Е. Ю. Рукосуев. Подавляющее большинство гербов Свердловской области было создано геральдистами. Принимали участие в создании уральских гербов и геральдисты из других городов страны. Данная стратегия подразумевала строгое следование правилам классической геральдики. Подготовленный в 2007 г. В. К. Кондюриным, А. К. Гrefенштейном и Е. Ю. Рукосуевым альбом «Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований» получил высокие оценки в среде геральдистов [9].

Советская традиция закрепила индустриальные символы как базовый элемент символической идентичности. Даже после ревизии большинства советских эмблем (которая была вовсе не легкой и быстрой, поскольку, как можно судить по откликам самих профессиональных геральдистов, привычные и понятные индустриальные символы имели своих сторонников) вектор, заданный

в советское время, оставался доминирующим: геральдика XVIII в., оказавшаяся индифферентной к промышленной специализации Урала, была замещена характерной индустриально-природной символикой времен социализма. Создание гербов по правилам соответствующего искусства, безусловно, виделось масштабным культурным проектом, призванным заместить прямолинейно-грубоватую советскую символику и, разумеется, не исчерпывавшимся лишь наделением муниципалитетов региона эмблемами для официальных бланков, сайтов и значков. Этот проект был ориентирован на создание нового языка символов. Индустрию в нем символизировали не ковши и реторты, а стилизованные кирки, молоты и тигли либо алхимические символы. Но создание таких геральдических эмблем не означало и восстановления прерванной советским периодом традиции: подавляющее большинство городов Урала не имели до революции городского статуса и, соответственно, герба. В интервью с геральдистами на рубеже 1990-х и 2000-х гг. журналисты, как правило, задавали один и тот же вопрос: почему новые гербы такие непонятные? Но смысл создания нового символического языка именно в том и заключался, чтобы новые символы и эмблемы поддавались расшифровке лишь при использовании особого ключа, знания скрытых значений визуальных образов, проникновения в своеобразную тайнопись. И хотя новейшую отечественную геральдику часто характеризуют как возрождение дореволюционной традиции, геральдический проект XXI в. стал именно новым языком, отличающимся как от зоологическо-бытовой ясности (птицы, рыбы, ульи) гербов XVIII в., так и от производственной однозначности (реторты, ковши, электроды) гербов советского времени.

Неудивительно, что медная специализация в новой геральдике уральских городов оказалась представлена разными способами. Казалось бы, стоило ожидать, что «зеркало Венеры», символически обозначающее медь, будет часто встречаться на гербах центров медной индустрии Урала.¹ Однако оно появляется лишь единожды —

¹ Например, целый ряд шведских городов, исторически связанных с металлургическими производствами, в XX в. обзаводились гербами, в которых индустриальный профиль подчеркивался с помощью астрологических символов — например, в гербе Фалуна (1932) использовано «зеркало Венеры», а в гербе Карлскога (1940) — «копые Марса».

на гербе Верхней Пышмы (появляется этот символ и на гербе Полевского [3, с. 82], основанного когда-то в качестве медеплавильного завода, но к XX в. утратившего этот хозяйственный профиль). Совершенно не представлено «зеркало Венеры» и в эмблемах медеплавильных заводов и компаний Урала — это тем более интересно, что именно этот символ используется в логотипах крупнейших медных компаний, таких, как «Codelco» (Чили) и «Gecamines» (Демократическая Республика Конго). Однако популярность в Верхней Пышме, официально называющей себя «медной столицей» Урала, приобрело не «зеркало Венеры», а грифон. Придуманый местным краеведческим сообществом, доработанный профессиональными геральдистами, этот фантастический зверь быстро стал узнаваемым символом — так, один из ведущих новостных Интернет-порталов города называется GrifonInfo. Здесь, возможно, сказывается определенная популярность грифонов как символов (они также присутствуют на гербах исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, Уральского государственного экономического университета, ведущего баскетбольного клуба области «Урал»), которая усиливается еще и тем фактом, что эти существа присутствуют и на гербе Свердловской области.

Другим ярким примером «нарратива» медеплавильной индустрии на языке геральдических символов является герб Красноуральска. Сам Красноуральск, хотя и был создан как одна из новостроек первой пятилетки, не обладал собственной краеведческой традицией с доминантами типа кыштымского «белого дома». Важнейшим памятником города считается монумент первой плавке, представляющий собой округлой формы металлургический ковш, установленный на постаменте близ проходной Красноуральского медеплавильного комбината. И центральным элементом нового герба оказалось — как и в предыдущем случае — изображение медеплавильного производства, только теперь прямолинейное изображение заводского ковша уступило место символическому отображению в виде плавильного тигля (он даже выглядит более похожим на ковш-памятник, чем красный ковш с рисунка Зеленцова), поддерживаемого золотыми львами — пролетарскую символику сменила более тонкая, «алхимическая».

В Гае же медеплавильная индустрия была представлена геральдическими средствами куда прямолинейнее: скрещенные молоты и медеплавильная печь с хорошо узнаваемой дымовой трубой. Таким образом, все три случая прямой репрезентации медной индустрии на гербах уральских городов используют разные эмблемы — «зеркало Венеры», золотые львы с тиглем и молоты с печью.

Совершенно иная ситуация с гербом другого центра медной индустрии — Ревды. Он украшен эмблемой железа, хотя именно в этом городе расположен крупнейший Среднеуральский медеплавильный завод (СУМЗ). Однако герб отражает историю более раннего периода истории Ревды, являвшейся в XVIII–XIX вв. центром производства железа. Не только герб, но и историческая справка о городе, его гимн, размещенные на официальном сайте Ревдинского городского округа, полностью игнорируют медную тему. Очевидно, часть городского сообщества не склонна растворять городскую идентичность в производственной.

Интересно заметить также, что многие из предприятий региона до сих пор сохраняют свои заводские эмблемы, появившиеся еще в советское время. Так, УГМК, созданная в 1999 г. и объединяющая большинство уральских предприятий медного профиля, обладает собственной узнаваемой корпоративной символикой: кольцо расплавленного металла характерного красно-оранжевого цвета. Вместе с тем, входящие в корпорацию «Уралэлектромедь» и СУМЗ продолжают использовать несколько модернизированные старые эмблемы. Другой ведущий производитель меди на Урале — «Русская медная компания» (РМК) — с 2013 г. использует единый для всех предприятий корпорации логотип в форме кристалла меди, объединяющий цвета российского флага с разными оттенками «медного» красно-оранжевого. В 2020 г. стараниями РМК в Екатеринбурге появился и, возможно, крупнейший визуальный символ отечественного медного производства: здание штаб-квартиры корпорации, разработанное архитектурным бюро Н. Фостера. Цвет здания, ставшего одной из эффектных доминант центра Екатеринбурга — всё тот же узнаваемый медно-оранжевый.

Гербы центров медной металлургии Урала отражают сложное взаимодействие двух символических стратегий, которые мы,

с долей условности, назвали краеведческой и геральдической; взаимодействие не только между собой, но и с предшествующей советской традицией, продолжающей оказывать влияние на создание новых эмблем. Кроме того, процесс создания гербов и эмблем в XXI в. столкнулся с другим процессом — брендингом и созданием коммерческих логотипов. Сложное соотношение разных визуальных стратегий территориального символизма — городские гербы, заводские эмблемы, корпоративные бренды — оказывает непосредственное влияние на формирование и развитие современной региональной идентичности «Большого» Урала.

Список литературы

1. Винклер П. П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. — СПб.: Тип. И. М. Комелова, 1899. — 530 с.
2. Грефенштейн А. К., Кондюрин В. К., Рукосуев Е. Ю. Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований. — Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2007. — 399 с.
3. Кирьянов И. К., Назукина М. В. Символика недропользования в современной геральдике и брендинге уральских городов // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. — 2020. — № 2. — С. 76–88.
4. Корепанов Н. С., Рукосуев Е. Ю. Клейма уральских заводов XVIII–XIX вв. — Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 2004. — 92 с.
5. Малкова И. Г. Символические репрезентации уральских городов // Уральский исторический вестник. — 2008. — № 1. — С. 8–13.
6. Манжурич Е. А. Воображаемая преемственность: дореволюционное геральдическое наследие в советской городской символике (1953–1991) // Вестник Пермского университета. История. — 2015. — № 3. — С. 116–122.
7. Меликаев В. И., Сержан В. В. Каталог современных городов, поселков и сел СССР: В 6 ч. / Всесоюз. объединение клубов фалеристов, Секция геральдистов. — Минск, 1989–1991.
8. Моченов К. Ф., Туник Г. А. Официальные символы Челябинской области и муниципальных образований. — М.: Русский раритет, 2004. — 296 с.
9. Печуркина Р. Все МО теперь с гербами! // Областная газета. 23 ноября 2010 г.
10. Пчелов Е. В. Городская геральдика дореволюционной России: основные тенденции исторического развития // Вестник РГТУ. — 2018. — № 4. — С. 109–116.
11. Рукосуев Е. Ю. Очерк истории Северского завода (XVIII — начало XX вв.) // Годы поисков и свершений: кафедра Истории науки и техники УГТУ-УПИ — УрФУ в 1999–2014 гг. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2015. — С. 186–197.

12. Туник Г. А. Современная российская геральдика как фактор отражения специфики Российского государства: историко-политологический анализ. Автореф. ... д-ра полит. наук. – М., 2008. – 54 с.

13. Уральская историческая энциклопедия. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург: «Академкнига», 2000. – 640 с.

14. Яшук А. В. Городская геральдика советской Украины в проектах управления по делам архитектуры 1946–1947 гг. (по материалам ЦДАВО Украины) // Гилея: Научный вестник: сб. науч. тр. – 2015. – Вып. 102. – С. 104–107.

15. Silva C. M., da. Geodiversity and Sense of Place: Local Identity Geological Elements in Portuguese Municipal Heraldry // Geoheritage. – 2019. – № 11. – P. 949–960.

Е. В. Годова

О ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЗЕМЛЯХ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

В статье дается характеристика развитию золотопромышленности на землях Оренбургского казачьего войска. Опираясь на архивные данные, автор приходит к выводу, что в развитии золотопромышленности на войсковых землях были заинтересованы все: государство — в пополнении казны, войско — в увеличении войсковых и станичных капиталов, казаки — в возможности дополнительного заработка. Однако все попытки властей увеличить выделяемые государством субсидии на добычу золота на территории Оренбургского казачьего войска не имели результата, и количество действующих приисков к концу XIX в. сокращалось. Кроме того, хищническое использование золотодобытчиками приисковых местностей ухудшало экологическую обстановку.

Ключевые слова: *Е. Ю. Рукоусев, Оренбургское казачье войско, оренбургское казачество, золотопромышленность, Оренбургская губерния, добыча золота.*

The article characterizes the development of the gold industry on the lands of the Orenburg Cossack host. On the basis of archival data, the author comes to the conclusion that everyone was interested in the development of the gold industry on the host lands: the state — in replenishing the treasury, the host — in increasing the host and stanitsa capitals, the Cossacks — in the possibility of additional earnings. However, all the attempts of the authorities to increase the subsidies allocated by the state for the extraction of gold on the territory of the Orenburg Cossack host had failed, and the number of mines in active work by the end of the 19th century decreased. In addition, the rapacious use of gold mining sites by gold-diggers worsened the environmental situation.